

Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга

Официальный сайт монастыря (<https://imonspb.ru>)

Святитель Феофан, Затворник Вышенский. «Как начинается в нас христианская жизнь?»

Надобно нам уяснить себе, когда и как начинается истинно христианская жизнь для того, чтобы видеть, положено ли в нас начало жизни сей, и, в случае, если не положено, знать как положить оное, на сколько это от нас зависит.

То не решительный еще признак истинной жизни во Христе, если кто-нибудь именуется христианином и принадлежит к Церкви Христовой. «Не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в Царствие» (Мф. 7:21). И «не вси бо сущий от Израиля, суть Израиль» (Рим. 9:6). Можно быть в числе христиан, и не быть христианином. Это всякий знает.

Есть момент, и момент весьма заметный, резко обозначающийся в течении жизни нашей, — когда кто начинает жить по-христиански. Это тот момент, когда в нем начинают качественно отличаться черты жизни христианской. Христианская жизнь есть ревность и сила пребывать в общении с Богом деятельном, по вере в Господа нашего Иисуса Христа, при помощи благодати Божией, исполнением святой воли Его, во славу пресвятого имени Его. Существование жизни христианской состоит в Богообщении о Христе Иисусе Господе нашем, — в Богообщении, в начале обычно сокровенном не только от других, но и от себя. Видимое же, или ощущаемое внутри нас свидетельство о ней есть жар

деятельной ревности, исключительно о христианском Богоугождении, с полным самоотвержением и ненавидением всего тому противного. Так, когда начинается сей жар ревности, тогда полагается начало христианской жизни; и в ком он постоянно действует, тот живет по-христиански.

На этой отличительной черте надобно остановить немного подолее наше внимание.

«Огня приидох воврещи на землю, — говорит Спаситель, — и что хочу, аще уже возгорехся» (Лк. 12:49). Это говорит Он о христианской жизни, и говорит потому, что видимое ее свидетельство составляет возжигаемая в сердце Духом Божиим ревность о Богоугождении, похожая на огонь, ибо как огонь снедает то вещество, в котором внедряется, так и ревность о жизни по Христе снедает душу, которая восприняла ее. И как во время пожара пламя охватывает все здание, так и воспринятый огонь ревности объемлет и наполняет все существо человека.

В другом месте Господь говорит: «всяк бо огнем осолится» (Мк. 9:49). И это есть указание на огонь духа, ревностию проникающего все существо наше. Как соль, проникая удоборазлагаемое вещество, предохраняет его от гниения, так и дух ревности, проникая все наше существо, изгоняет грех, растлевающий нашу природу и по душе, и по телу, из всех даже малейших его вместилищ и хранилищ, и тем спасает нас от нравственной порчи и растления.

Апостол Павел заповедует: «Духа не угашать» (1 Сол. 5:19), быть «тщанием не ленивыми, духом гореть» (Рим. 12:11), — заповедует сие всем христианам, чтобы помнили, что горение духа, или неленостное тщание, есть неотъемлемое свойство христианской жизни. В другом месте о себе говорит он: «задняя убо забывая, в предняя же простираяся, со усердием гоню к почести вышняго звания Божия о Христе Иисусе» (Флп. 3:13, 14); и другим внушает: «такое тещите, да постигнете» (1 Кор. 9:24). Значит, в жизни христианской, вследствие жара ревности, есть некоторая быстрота и живость духовная, с которою берутся за дела Богоугодные, попирая себя и охотно принося в жертву Богу всякого рода труды, без жаления себя.

Утверждаясь на таком понятии, легко можно заключить, что холодное исполнение уставов Церкви, равно как регулярность в делах, устанавливаемая расчетливым рассудком, исправность, степенность и честность в поведении еще не суть решительные указатели, что качественно в нас истинно христианская жизнь. Все это хорошо, но коль скоро не носит в себе духа жизни о Христе Иисусе, не имеет никакой пред Богом цены. Такого рода дела будут тогда как бы бездушные истуканы. И часы хорошие идут исправно; но кто скажет, что в них есть жизнь?! Так и тут: «часто имя только имеют, что живы, будучи на деле мертвы» (Апок. 3:1). Эта добропорядочность поведения больше всего вводит в обольщение. Истинное его значение зависит от внутренних расположений, в

которых возможны значительные отклонения от существенной правды при делах правых. Как, удерживаясь внешне от дел греховных, можно питать к ним привязанность или соуслаждение в сердце, так равно, делая дела правые внешне, можно не иметь к ним расположения сердечного. Только истинная ревность как добро хочет совершать во всей полноте и чистоте, так и грех преследует до малейших его оттенков. Первого ищет она как насущного хлеба, с последним поступает как с врагом смертельным. Враг врага ненавидит не только в лице его собственном, но ненавидит родных его и знакомых, даже вещи его, цвет ему любимый, вообще все, что сколько-нибудь напоминает о нем. Тоже и ревность о Богоугождении истинная: преследует грех в малейших об нем напоминаниях или намеках; ибо ревнует о решительной чистоте. Не будь этого, сколько нечистоты может залечь в сердце!

И какого успеха можно ожидать, когда нет стремительной ревности о христианском Богоугождении? В чем нет труда, то будет еще исполняться; но коль скоро потребуются в чем-либо усиленный труд, или какое-либо самопожертвование, — тотчас последует отказ, по невозможности совладать с собою. Ибо тогда не на что будет опереться, чтобы подвинуть себя на доброе дело: саможаление подорвет все опоры. Если же примешается другое какое побуждение, кроме указанного, то оно и доброе дело сделает недобрым. Сogleдатаи при Моисее убоялись оттого, что себя жалели. Мученики охотно шли на смерть оттого, что их сжигал внутренний огонь. Истинный ревнитель не законное только делает, но и совет, и всякое благое, внушение, тайно печатлеемое в душе; делает не представляющееся только, но бывает изобретателем на добро, весь в заботах об одном добре прочном, истинном, вечном. «Везде потребно нам, — говорит святой Иоанн Златоуст (беседа 31 на Деян.), — усердие и многое разжжение души, готовое ополчиться против самой смерти; ибо иначе невозможно Царствие получить».

Дело благочестия и Богообщения есть дело многотрудное и многоболезненное; особенно на первых порах. Где взять сил, чтобы подъять все эти труды? При помощи благодати Божией — в одушевленной ревности. Купец, воин, судья, ученый проходят службу многозаботливую и многотрудную. Чем поддерживают они себя в трудах своих? — Воодушевлением и любовью к своему делу. Не иным чем можно поддерживать себя и на пути благочестия. А без сего мы будем находить в служении Богу томность, тяготу, скуку, вялость. И тихход идет, но с болезнью, тогда как для быстрой серны или проворной белки движение и переход составляют удовольствие. Богоугождение ревностное есть отрадное, окрыляющее дух шествие к Богу. Без него можно испортить все дело. Надо все делать во славу Божию, наперекор живущему в нас греху; а без сего мы будем все исполнять только по привычке, по требованию приличий, потому что так издавна делалось, и так делают другие. Надо делать все; а в противном случае

мы иное сделаем, а иное нет, и притом без всякого сокрушения и даже памяти о пропусках. Надо все делать со вниманием и осмотрительностью, как главное дело; а иначе мы будем делать, как пришлось.

Итак, ясно, что без ревности христианин плохой христианин, — вялый, расслабленный, безжизненный, ни тепел, ни хладен, — и жизнь такая не жизнь. Сие ведая, потщимся явить себя истинными ревнителями добрых дел, чтобы быть истинно угодными Богу, не имея скверны или порока, или нечто от таковых.

Итак, верное свидетельство о жизни христианской есть огонь деятельной ревности о Богоугождении. Спрашивается теперь, как возжигается сей огонь? Кто его производители?

Такая ревность производится действием благодати, однако же и не без участия свободной нашей воли. Жизнь христианская не есть жизнь естественная. Таково же должно быть и ее начало, или первое ее пробуждение. Как в семени растительная жизнь пробуждается тогда, как к сокрытому в нем ростку проникает влага и теплота, и чрез них — всевосстанавливающая сила жизни, так и в нас жизнь Божественная пробуждается, когда проникает в сердце Дух Божий и полагает там начало жизни по духу, очищает и собирает воедино омраченные и разбитые черты образа Божия. Пробуждается желание и свободное искание (действием извне), потом нисходит благодать (чрез Таинства) и, сочетавшись со свободою, рождает мощную ревность. И никто не думай сам собою родить такую силу жизни, об ней должно молиться и быть готовым приять ее. Огонь ревности с силою — это благодать Господня. Дух Божий, сходя в сердце, начинает действовать в нем не снедающею только, но и вседействующею ревностью.

Иным приходит на мысль: зачем это действие благодати? Неужели мы сами не можем делать добрых дел? Вот мы сделали то и то доброе дело. Поживем, и еще что-либо сделаем. Редкий, может быть, не останавливался на этом вопросе. Иные говорят, что мы не можем сами собою ничего доброго делать. Но здесь дело не об отдельных добрых делах, а о перерождении всей жизни, о жизни новой, о жизни в целом ее составе — такой, которая приводит ко спасению. При случае нетрудно что-нибудь сделать даже очень хорошее, как делали и язычники. Но пусть кто намеренно определит себя на неопустительное доброделание, определит порядок его по указанию Слова Божия, — и это не на один месяц или год, но на всю жизнь, — и положит неуклонно пребывать в сем порядке, и потом, когда пребудет верен тому, — пусть хвалится своею силою; а без сего не лучше ли заградить уста свои. Мало ли бывало и бывает опытов самодельного начинания и устройства христианского жития? И все они оканчивались и оканчиваются ничем. Постоит немного человек в новоизбранном порядке — и бросает. И как иначе? Нет сил. Только вечной силе Божией

свойственно поддерживать нас неизменными в расположении среди беспрерывных приливов изменений временных. Потому надобно преисполниться сею силою, испросить ее и принять по чину, — и она приподнимет нас и извлечет из этого треволнения временного. Обратитесь еще к опыту и посмотрите, когда приходят такие помышления самодовольства? Когда человек бывает в покойном состоянии, когда его ничто не смущает, ничто не прельщает и не влечет ко греху, тогда он готов на самое святое и чистое житие. Но чуть движение страсти или соблазн — куда все обеты?! Не говорит ли себе часто человек, ведущий невоздержанную жизнь: теперь не буду больше. Но насыщение страсти прошло, новый позыв восстает, и он опять является во грехах. Хорошо рассуждать о перенесении обид, когда все идет по нашей воле не наперекор самолюбию. Тут, пожалуй, странным покажется чувство оскорбления или серчания, какому предаются другие. Но случись самим быть в подобном положении, тогда и один взгляд, не только слово, выведет из себя. Так можно в самонадеянности мечтать о возможности самому собою, без высшей помощи, вести жизнь христианскую, когда покоен дух. Но когда зло, слегшееся на дне сердца, возматется, как прах ветром, тогда в собственном опыте найдет каждый осуждение своей заносчивости. Когда помысл за помыслом, желание за желанием, — одно другого хуже — начинают тревожить душу, тогда забудет всякий про себя и невольно воззовет с Пророком: «внидоша воды до души моя углубоко в тимении глубины» (Пс. 68:2—3). «О, Господи, поспеши же!» (Пс. 117:25).

Не бывает ли часто так: мечтает иной в самоуверенности пребывать в добре. Но вот вообразено лицо или вещь, родилось желание, возбудилась страсть: человек увлечен и пал. После сего оставалось бы только посмотреть на себя и сказать: как это худо! Но вот представился случай к развлечению, и он снова готов забыться. Далее, кто-нибудь оскорбил: началась брань, укоры, суд; представилась неправая, но выгодная сделка, — берется и за то: одного унизил, с другим поделился, третьего столкнул с места, — и все это после того, как хвалился возможностью самому, без особой помощи свыше, вести себя свято. Где же сила? — «Дух... бодр, плоть же немощна» (Мф. 26:41). Видишь добро и творишь зло: «хотящу ми творити доброе, яко мне злое прилежит» (Рим. 7:21). Мы в плену: искупи нас, Господи!

Один из первых вражеских наветов на нас есть помысл самонадеянности, т.е. если не отвержение, то нечувствование нужды в благодатной помощи. Враг как бы так говорит: «Не ходи туда — к свету, где хотят тебе дать какие-то новые силы! — Ты у меня и так хорош». Человек и предается покою. А враг между тем — где подкинет камень (неприятности), где наведет на скользкое место (прелести страстей), где усеет цветами закрытые силки (светлая обстановка). Не оглядываясь, человек стремится все далее и далее, и не догадывается, что

ниспадает все ниже и ниже, пока, наконец, не низойдет на самое дно зла — к преддверию ада. Не нужно ли в таком случае крикнуть ему, как первому Адаму: «Человек, где ты? Куда ты зашел?» Вот это-то воззвание и есть действие благодати, которое заставляет грешника в первый раз осмотреться на себя. Итак, желаешь начать жить по-христиански, взыщи благодати. Минута, когда низойдет благодать и сочетается с твоею волею, будет минутою рождения жизни христианской — сильной, твердой, многоплодной. Где обрести и как принять благодать, начинающую жизнь? Стяжание благодати и освящение ею нашего естества совершается в Таинствах. Здесь мы предлагаем действию Божию, или предносим Богу свою непотребную природу, — и Он действием Своим претворяет ее. Богу угодно было, для поражения гордого ума нашего, в самом начале истинной жизни, сокрыть силу Свою под сению вещества простого. Как это бывает, не постигаем, но опыт всего христианства свидетельствует, что иначе не бывает. Таинств, преимущественно относящихся к началу жизни христианской, два: Крещение и Покаяние. Потому и правила касательно начала жизни истинно христианской собираются одни вокруг Крещения, а другие — вокруг Покаяния.

[Святитель Феофан, Затворник Вышенский](#)

Память 10/23 января, 16/29 июня

При перепубликации просим ссылаться на первоисточник: Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга
<https://imonspb.ru>

Санкт-Петербург, наб. реки Карповки, 45
Проезд: ст. метро "Петроградская"
Телефон: +7-812-234-24-27